

О побеге пленных из Каспли

Немецкие войска вошли в нашу деревню Шилы (Воробьевского сельсовета, Каспленского района, Смоленской обл.) в первых числах июля. Задержались здесь на несколько дней только их тыловики, которые угнали весь колхозный скот, выгребли из амбаров зерно и увезли сено. Долго доносилась артиллерийская пальба Смоленского сражения, но с 15 на 16 июля 1941 г. наши войска начали отходить к Вязьме, а потом к Москве. В середине июля в центре районного городка Каспля около хлебозавода фашисты создали концентрационный лагерь для пленнх солдат и командиров Красной Армии. С кухни этого лагеря и начались мои партизанские будни. Я родилась 27 февраля 1925 года, но в 16 лет мне пришлось работать помощницей повара по заданию подполковника Силицкого (так мне он рекомендовался при первой же встрече у его теток). Он (по его утверждению) был направлен в наш Касплянский район из Москвы для организации в тылу немецких армий партизанских диверсий. Это мне подтвердили его родные тети Мария Петровна (жена священника из Каспли) и Анастасия Петровны (учительница), которые по непонятной причине перебрались из голодной Каспли в не менее голодную деревню Шилы. Поселились они в учительском домике при нашей 7-и летней Шиловской школе. Моя мать работала в этой школе техничкой, и мы жили в том же домике для учителей. Эту Шиловскую семилетку я окончила в том 1941 году.

После того, как немцы забрали колхозный скот, вывезли колхозную муку и зерно мы начали голодать, а обе Петровны, поселившиеся рядом с нами и имевшие кое-какие продукты, стали нас прикармливать. Когда у них оказался их племянник из Москвы, они сразу же познакомили меня с ним, а он предложил мне поработать в Каспле на лагерной кухне для военнопленнх. Там поваром работала жена летчика, воевавшего под Москвой, которого «племянник и подполковник», возможно знал. Появился в нашей деревне этот гость наших соседок, естественно, не в военной форме, а в обыкновенном для тех времен сером плаще. Я была худенькой пятнадцатилетней деревенской девочкой Катей Гращенко, которая первое время побаивалась этого высокого взрослого городского мужчину и не осознала сразу серьезность его совета. Побоялась его и моя мать, но в Каспле жил ее брат и мой дядя Никифор; мама сказала, что я должна посоветоваться с ним. С дядей я недолго размышляла над его и нашим голодным бытием; он порекомендовал мне познакомиться с лагерной поварихой. Она мне очень понравилась, да и не было других вариантов избавления от голода...

Летом 1941 г. в Каспле немцы содержали военнопленнх без барачков, в низине за хлебозаводом. Обитали они на земле за густой колючей проволокой, по которой ночью включали электроток. По углам лагеря стояли вышки, на них днем и ночью дежурили охранники с автоматами и пулеметами. Военнопленнх было около 500, но люди постоянно менялись. Многие умирали от ран, болезней, голода и ночных холодов. Тех, которые умерли, вывозили в лес за Касплю и сбрасывали в овраг. После того, как трупное зловоние оттуда достигло городских окраин, начали собирать горожан с лопатами и присыпать трупы. Многих больных загружали в машины-душегубки, пленные задохались там от поступающих выхлопных газов, превращались в трупы, которые сбрасывались в тот же овраг. Многих здоровых подвозили к оврагу и там же расстреливали; многих увозили в Германию. Но вместо них появлялись те, которых

вылавливали по лесам, извлекали из деревень по доносам старост и «доброжелателей нового порядка». Многие задержанных в результате облав после допросов оказывались висящими перед окном нашей кухни. Их «вешателями» были полицейские, набранные из жителей Каспли. Они же закрепили на двух столбах перекладину, на которой постоянно повисало по 2-3 патриота, смотреть на которых было жутко.

Кормили военнопленных один раз в день супом, который мы варили на костях конины, добавляя в бульон картошку и зерно (ржи, пшеницы или ячменя), а иногда муку. Картошку я с поварихой начинала чистить днем, а загружали мы ее в котлы только в полночь или к утру. Работали без выходных, спали мало. Но когда удавалось раздобыть что-то для голодной матери, я ходила к ней в Шилы.

Однажды подполковник Силицкий назначил мне встречу около города за Касплей в лесу. Я пришла к нему, и он сказал, что нужно переговорить с одним из военнопленных об организации побега из лагеря, но не с рядовым красноармейцем, а выявить командира. Командиры даже без знаков отличия и в рваной одежде отличались от простых красноармейцев, даже в лагерных условиях настоящие командиры обладали авторитетом и властью. Это помогло мне переговорить с пленным майором, назвавшим только свое воинское звание. Мы тогда подолгу не верили друг другу и имя, фамилию того майора я не узнала. Передала Силицкому его просьбу раздобыть ножницы для резки колючей проволоки. Вероятно, он по рекомендации своих родственниц переговорил с Рожениным Михаилом Ивановичем (молоденьким учителем нашей Шиловской школы), которого я хорошо знала. Он был старше меня всего-то на два года, но после окончания школы его назначили учителем младших классов, поскольку учителей в деревне перед войной не было. Миша познакомил меня со своим сверстником из Каспли Сашей Гаврисевым, а тот нашел ножницы для резки колючей проволоки и передал их мне. Я спрятала ножницы в рукав фуфайки, подойдя к ограждению, присела и опустила руку; ножницы скользнули под проволоку. Я встала, осмотрелась и задвинула их ногой подальше. После того, как ножницы ночью нашел пленный майор, он договорился (через меня) с подполковником о времени побега; я должна была перевести беглецов бродом через реку Касплю к месту, где их будет ждать подполковник Силицкий.

В ночь побега пленные убили часового на вышке, отключили электроосвещение и напряжение от проволочного ограждения и в нем прорезали проход. После того, как они бросились через него толпой, раздался шум. Всполошилась охрана, раздались автоматные очереди. В это время начали стрелять по немцам из немецких же автоматов и мои знакомые Миша с Сашей. Я бежала от выстрелов впереди толпы военнопленных, за мной они перешли вброд холодную сентябрьскую Касплю и вошли в лес, где их встретил Силицкий. Я не вернулась в Касплю, а ушла к матери в Шилы. Немцам удалось захватить Михаила Ивановича Роженина, и они расстреляли не только его, но и всю его семью в Шилах. Их дом пустовал до тех пор, пока к нам от «Бати» из деревни Бокшеево не пришла группа капитана Садчикова. Они разместились в доме Рожениных и к ним стали приходиться бывшие красноармейцы и жители из окрестных лесов и сел. Сюда к Садчикову неоднократно приезжал верхом на лошади Н.З.Коляда («Батя»). Здесь он проводил совещания с командирами будущих подразделений полка и местными руководителями, здесь начиналось практическое становление Смоленского партизанского полка особого назначения полковника Садчикова. Командир полка побывал в нашем доме и предложил мне продолжить «рост по службе», став его штабной поварихой. Я начала кормить разбухающий отряд, добывая посуду у односельчан (с обещанием ее вернуть). Недели через две партизаны ушли в деревню Воробьи, предложив мне уходить вместе с ними. Но в 17 лет страшно уходить из дома (возможно навсегда) да и мать категорически запретила мне уходить с партизанами в другую деревню. Однако оставаться в Шилах тоже было страшно, ведь немцы могли

дознаться о моем участии в победе пленных из Каспли. Садчиковцы ушли без меня, но вскоре за мной была прислана телега с партизаном, который позже руководил полковым хозяйственным взводом. Я уехала с ним и стала партизанкой Смоленского партизанского полка Особого назначения.

Одной из основных задач этого «особого назначения» поставленной лично Г.К. Жуковым командиру полка И.Ф. Садчикову была нейтрализация 3-ей танковой армии Гудериана методом отвлечение «на себя» его подразделений. Не случайно нашим полком командовал «мгновенно» ставший полковником капитан Садчиков, который будучи комбатом под Вязьмой не отступил (вслед за соседями по флангам) со своего участка фронта и противостоял одним своим батальоном превосходящим силам противника до получения приказа на отступление. За тот бой под Вязьмой комбата Сачкова наградили орденом Красного Знамени (к сожалению, с этим единственным орденом оказался наш командир, завершив партизанский путь). Единственным орденом Красного Знамени наградили тогда и выдающегося комиссара нашего непревзойденного по стойкости полка капитана Юрьева.

Мне «молодой необученной» партизанке-поварихе, кормилице («чем Бог пошлет») значительного по составу штаба полка и его хозяйственников пришлось побывать и в роли официантки на совещаниях высокопоставленных командиров. Запомнилось совещание в нашей штабной лесной землянке за Касплей с участием Коляды, Шлапакова и Гришина, которое проводил Иван Федорович Садчиков (он родился в 1909 г. и превосходил меня по возрасту в два раза). Когда «Батя» (Н.З. Коляда) и его соратники входили в землянку, я по приказу Садчикова «накрывала» обеденный стол (из двух досок на двух крестовинах). Расставив на досках «литературно» миски с вареной картошкой, поставив в центре тарелку с дефицитной солью и вторую с нарезанным «красиво» хлебом, я спешила удалиться из землянки, чтобы не видеть и не слышать их планов. Но меня придержал будущий Герой Советского Союза С.В. Гришин, обратившийся к Садчикову: «Отдай нам эту партизанку».

«Нет, если ее отдадут, то нам», — сказал И.Р. Шлапаков и спросил меня, помню ли я его. «Конечно, помню, — сказала я, — Ведь Вы приезжали к нам на выпускные экзамены в семилетнюю Шиловскую школу, будучи Зав. РайОНО в Каспле». Все засмеялись, а Садчиков сказал, чтобы они искали таких расторопных партизанок в своих деревнях. Я ушла из землянки, заметив на столе бутылку самогона, которую привез кто-то из приезжих (не видела, чтобы Иван Федорович пил самогон и сама попробовала первый раз водку в день, когда наш полк перестал быть партизанским).

Не менее значимым для «собутельников» было совещание руководства нашего полка с будущим 1-м секретарем ЦК КПБ и Героем Советского Союза П.М. Машеровым. Он с ординарцем глубокой осенью, когда уже выпал первый снег, подъехал к нашей лесной штабной землянке. В землянке вдоль стены были широкие дощатые лавки, на которых ночью укладывались на ночлег Садчиков и Юрьев, а рядом с лавками ставился «традиционный партизанский» стол из двух досок на двух крестовинах. На обед я сварила картошки, нарезала хлеба, у кого-то нашлась банка консервов и бутылка самогона. За стол на лавки уселись Садчиков, Машеров и Юрьев, а с другой стороны на чурбаках расположились начальник штаба Миняев и начальник разведки Доморацкий. Когда они обсудили свои проблемы и вышли из землянки, я вошла и увидела четыре пустых граненых стакана и один с нетронутой самогонкой (против того места, на котором сидел Машеров), которую не стал пить Петр Миронович, командовавший тогда (в свои 24 года) партизанским отрядом им. Щорса.

Наш партизанский полк состоял из 4-х батальонов и был аналогичен подразделениям Красной Армии. Мы знали, что это известно и воюющим с нами

захватчикам, поскольку прекрасно работала полковая разведка, а из оперативного отдела 9-й немецкой армии 11 августа 1942 г. сообщалось штабу армий «Центр»: «В тыловом районе армии... невозможно установить различие между истинными партизанами и красноармейцами из состава частей Красной Армии...»³⁰ К сожалению, этого не хотят знать в районных военкоматах, продолжающих отделять партизан от «нормальных» участников войны из войсковых подразделений.

³⁰ ЦАМО СССР, ф. 639, оп. 7251, д. 43, л. 173